

Изменения на рынке человеческих ресурсов как ключевой фактор политических решений

Рязанова Галина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. институциональной экономики¹, доц. Департамента экономической теории²

ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Ленинградский пр-т, 49/2, Москва, Россия

Аннотация

Рынок человеческих ресурсов является производным от ключевого рынка товаров и услуг, рост которого обеспечивает экономическое развитие страны. Однако именно эффективные человеческие ресурсы позволяют рационально использовать природный потенциал, обеспечивать воспроизводство капитала и создание новых технологий. Изменения на рынке труда способны коренным образом трансформировать социально-экономическую экосистему и повлиять на уровень политической стабильности в стране. Так, в 2010-е гг. дисбаланс на рынке человеческих ресурсов Великобритании спровоцировал политическую нестабильность, что вынудило правительство выйти из Европейского союза. Цель исследовательской работы – выявить влияние рынка труда на политические решения на примере Соединенного Королевства, определить причины неравновесия на рынке человеческих ресурсов, выделить этапы создания Европейского союза и стадии выхода из него Великобритании, представить результаты брексита на уровне экономики и рынка труда. Статья опирается на историко-логический и сравнительный методы исследования, сопоставление динамики макроэкономических индикаторов на основе системного подхода. Статистические данные Всемирного банка и Национальной статистической службы Великобритании позволяют подтвердить взаимное влияние рынка труда и политики правительства страны.

Ключевые слова: социально-экономические экосистемы, человеческие ресурсы, рынок труда, экономический рост, Европейский союз, Великобритания, политические решения, брексит

Для цитирования: Рязанова Г.Н. Изменения на рынке человеческих ресурсов как ключевой фактор политических решений // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 129–137. DOI: [10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137)

Changes in the human resources market as a key factor of political decisions

Galina N. Ryazanova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Institutional Economics Department¹, Assoc. Prof. at the Economic Theory Department²
ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky prospekt, Moscow 125167, Russia

Abstract

The human resources market is a derivative of the key market for goods and services, the growth of which ensures economic growth in the country. However, it is efficient human resources that enable rational use of natural potential, ensure capital reproduction and new technologies creation. Changes in the labor market can fundamentally transform socio-economic ecosystem and affect the level of political stability in the country. For example, in the 2010s, imbalance in the United Kingdom human resources market provoked political instability that forced the government to withdraw from the European Union. The purpose of the research is to identify impact of the labor market on political decisions on the example of the United Kingdom, to determine causes of disequilibrium in the human resources market, to highlight stages of the European Union and stages of Great Britain's exit from it, and to present the results of Brexit at the level of the economy and the labor market. The article relies on historical-logical and comparative methods of research, comparison of macroeconomic indicators dynamics on the basis of a systematic approach. Statistical data of the World Bank and the Office for National Statistics allow us to confirm mutual influence of the labor market and the policy of the country's government.

Keywords: socio-economic ecosystems, human resources, labor market, economic growth, European Union, Great Britain, political decisions, Brexit

For citation: Ryazanova G.N. (2023). Changes in the human resources market as a key factor of political decisions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 11 (4), pp. 129–137. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137

Введение / Introduction

Устойчивый экономический рост обеспечивается за счет географических, природных особенностей страны, а также прорывных инновационных технологий и эффективных ресурсов. Человеческие ресурсы играют в этом синергетическом сплаве факторов ключевую роль, поскольку они способны максимально использовать природные возможности, сформировать условия для воспроизводства капитала, разработать и внедрить новые технологии, обеспечивающие прирост выпуска при снижении затрат на имеющиеся блага и появление новых продуктов, повышающих уровень жизни людей и выводящих человеческую цивилизацию на новый эволюционный виток. В связи с этим органичное развитие рынка труда приводит к расширению (в количественном и денежном эквивалентах) рынка благ и финансового рынка, а также к стабильности социальной и политической жизни.

Неравновесный рынок человеческих ресурсов несет не только социально-экономические, но и политические риски, что можно наблюдать на примере Соединенного Королевства. Создание Европейского Союза (далее – ЕС, Евросоюз) более полувека обеспечивало мирное существование стран континента и островных государств. Однако членство Великобритании в Евросоюзе имело и свои минусы: свободная миграция, свободный товарооборот подрывали собственное производство и ломали рынок труда. Ситуация усугубилась в начале 2000-х гг., особенно в кризисные годы, когда на каждые 100 мигрантов 23 британца теряли работу. Эта вызвало негодование у коренного населения. К неравновесному состоянию рынка человеческих ресурсов добавились факторы снижения влияния институтов Евросоюза, что усиливало нестабильность социально-экономической экосистемы. Опасаясь политических переворотов, правительство провело референдум, на котором жители страны определили дальнейший самостоятельный, автономный от ЕС путь развития. Настоящее исследование выявляет причинно-следственные связи изменений на рынке человеческих ресурсов Великобритании и последствия политического выбора британцев.

Создание Евросоюза: причины, цели, состав / Creation of the European Union: reasons, goals, composition

Процесс интеграции шести европейских стран (Бельгии, Германии, Франции, Италии, Люксембурга и Нидерландов) после Второй мировой войны явился уникальным партнерством в части гармонизации

экономических и политических проблем европейского континента и совместного противостояния естественным кризисным явлениям капитализма. Ключевым посылом объединения была необходимость восстановления стран и недопущения новых кровопролитных конфликтов, имевших место в войне 1940-х гг. В связи с этим страны решили контролировать производство и реализацию стали и угля как наиболее важных ресурсов для создания военно-промышленных товаров, без которых невозможно осуществить форсированное развитие военно-промышленного комплекса, и наращивания производства военной техники, которая является ключевым фактором военного превосходства. Эта мера дала действенные результаты: за 5 лет до момента подписания официальных документов оборот стали в шести странах увеличился на 129 %.

Официально Европейский союз появился в 1957 г. с подписанием Римского договора о мире на демократических принципах. Соединенное Королевство присоединилось к нему в 1973 г. вместе с Ирландией и Данией. В 1980-е гг. членами ЕС стали Греция, Испания и Португалия. В 1985 г. шенгенское соглашение ликвидировало границы для въезда и выезда граждан, в 1992 г. был подписан Маастрихтский договор о едином пространстве движения населения, товаров, услуг и капитала, а в 1999 г. была принята единая валюта (за некоторым исключением, в частности, валюты Соединенного Королевства – фунта стерлингов) [Wasson, 2015].

В 2000-е гг. Евросоюз принял новых членов – Словакию, Чехию, Польшу, Венгрию, Словению, Латвию, Литву, Эстонию, Мальту, Кипр, а следующее расширение характеризовалось присоединением Румынии и Болгарии. Последним государством, вошедшим в ЕС в 2013 г., стала Хорватия. Таким образом, к концу 2013 г. союз насчитывал 28 государств-членов. Объединение стран способствовало расширению экономических свобод их резидентов, связанных с оформлением прав собственности, свободой торговли и перемещения, регулятивной политикой государств-членов ЕС [Loyen, Hidde, Ploeg, Bauman, Brug, Lakerveld, 2016].

Большинство ученых сходятся во мнениях о том, что в целом это благоприятно отразилось на экономическом росте стран и снизило энергоемкость их экономик [Mothana, Kogček, 2015]. В то же время сложившиеся институты управления имели двойственность, ведь они должны были соответствовать и интересам всех стран, и национальным интересам каждого члена в отдельности. Самой значимой силой являлся (и является в настоящее время) Европейский совет, в который входили руководители

всех стран. Возглавили орган Председатель Европейского совета и Президент Европейской Комиссии. Значительная роль в управлении принадлежала (и принадлежит в настоящее время) кабинету министров, где свои страны представляют министры национальных Министерств. Европарламент избирается в странах на пятилетний срок и включает 751 члена. Решения во внешней политике требуют одобрения всех государств.

Вызовы начала XXI в. и их отражение на Европейском союзе / Challenges of the early 21st century and their reflection on the European Union

XXI в. был ознаменован переходом в новую эру метамодерна (приставка «мета» означает колебания между системной парадигмой модерна и релятивистской концепцией метамодерна). Мир модерна, декларирующий механистическую основу на всем общественном и научном пространстве, обладал системностью, жесткой структурой с ясной системой координат и координатами объектов в системе, а постмодерн характеризовался относительностью самих систем, отрицанием структуры как таковой, глубокой иррациональностью. Метамодерн впитал элементы обеих эпох, усиливаясь фактором цифровизации экономического ландшафта, с одной стороны, систематизирующим экономические подсистемы, а с другой — усиливающим эмоциональную нестабильность и острую тревожность. Новое экономическое пространство с новыми ценностными ориентациями требовало новых подходов к управлению экономическими процессами [Ваврош, Валенчик, Рубаль, Сазанова, 2019].

Вступление в новую эпоху породило глобальные экономические проблемы 2010-х гг., которые потрясли весь мир. Мировые процессы глобализации, дополненные всеобщим проникновением цифровизации в социальные, политические и экономические процессы, еще больше расширили процессы взаимной интеграции стран. Взаимное проникновение бизнес-процессов сократило расстояние и размыло границы, что отразилось специфическим отношением предпринимателей к понятиям патриотизма и уважения к правительству собственной страны. Стало стираться и понимание резидента, поскольку состоятельные граждане, помимо принадлежности к стране по рождению, как правило, становились гражданами других стран, в которых вели бизнес или проводили свободное время. Товарные рынки росли, потребители стали чувствовать большую экономическую свободу, поскольку глобальная конкуренция позволила снизить цены

на большинство благ обыденного потребления при высоком качестве.

Однако страны-пионеры стали диктовать свою экономическую волю еще более агрессивно, крупные транснациональные компании сметали с рынка средний и мелкий бизнес. На политической арене тоже все было неоднозначно: позиции развитых стран снижали суверенность развивающихся государств, чему также способствовали международные организации, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и др.

Тем не менее пределы экономического роста не безграничны, поскольку экономические ресурсы имеют ограничение на определенном этапе экономического цикла. Безмерная глобализация социально-экономической экосистемы породила кризисы разного уровня: психологические, социальные, политические, экономические. Устойчивый экономический рост «забуксовал», что спровоцировало изменение всего экономико-политического ландшафта. Смена позитивного тренда развития пошатнула устойчивость структуры Евросоюза. Некоторые правительства вынуждены были ввести меры экономии бюджета, некоторые страны, такие как Греция, Ирландия, Португалия и Кипр, просили о финансовых вливаниях для восстановления экономики и выхода из кризиса.

Возникло напряжение между экономически развитыми странами, часть которых выступала за предоставление помощи нуждающимся, а часть была категорически против. Во многих государствах стали развиваться антивластные политические движения, критиковавшие собственные правительства, принимавшие политику Евросоюза [Archick, 2015]. Уровень евроскептицизма варьировался в зависимости от градуса проблем внутри стран от незначительной критики до призывов ликвидации Евросоюза. Некоторые наблюдатели декларировали отсутствие стратегического видения у лидеров ЕС, преследование национальных целей в ущерб общеевропейским, снижая уровень солидарности и повышая степень враждебности внутри союза.

Дифференциация между странами стала углубляться как в экономическом и политическом ракурсах, так и в экологическом [Mazur-Wierzbicka, 2021]. Наиболее агрессивной в этом вопросе стала Великобритания, поскольку свободная миграция переросла в неконтролируемую и жители страны приняли решение развиваться автономно и выйти за пределы Еврозоны. Бескомпромиссные силы противодействия и консервативная партия, возглавляемая Д. Кэмероном (на тот момент премьер-

министром Великобритании), подняли вопрос о выходе Великобритании из ЕС.

Соединенное Королевство: изменения на рынке человеческих ресурсов и их связь с политическими решениями / United Kingdom: changes in the human resources market and their relationship to political decisions

В начале XXI в. в Соединенном Королевстве все острее стали ощущаться проблемы, связанные с пребыванием в Евросоюзе. В основном они коснулись рынка человеческих ресурсов. За два предшествующих десятилетия (1990-е гг. и 2010-е гг.) в стране оказалось более 4 млн мигрантов.

Великобритания всегда привлекала (и продолжает привлекать в настоящий момент) потенциальных соискателей комфортными условиями для жизни, высокими вознаграждениями за труд, которые даже с учетом паритета покупательской способности превышают уровень оплаты труда в развивающихся странах в 2–3 раза. Приток рабочей силы обуславливался стабильным ростом экономики, начиная с года падения внутреннего валового продукта (1993 г.).

Экономика 2000-х гг. требовала вовлечения новых работников, и лейбористское правительство, несмотря на предостережения ученых и экспертов рынка труда, заявило о свободе рынка человеческих ресурсов, предполагая лишь 10–15-тысячную ежегодную миграцию. В этот период наблюдался очередной рост безработицы в странах Прибалтики и Польше, где официальная безработица достигла 20 %. Поток мигрантов из этих и других европейских стран, а в дальнейшем и с Востока оказались в десятки раз выше прогнозируемых. Прибывающая рабочая сила не претендовала на высокие социальные гарантии, высокие ставки оплаты труда, нормированный рабочий день, но соглашалась на любые условия работодателя. Мигранты готовы были жить в нереальных для британцев условиях, перерабатывать и работать без выходных, получать вознаграждение ниже уровня своей квалификации.

Этим обстоятельством воспользовалась консервативная партия, основной риторикой которой было обещание снизить потоки внешних претендентов на рабочие места до 100 тыс. чел. в год. После победы в выборах новому правительству действительно удалось несколько снизить напряжение на рынке человеческих ресурсов, сократив количество мигрантов в 2011–2013 гг., однако, несмотря на все усилия, цифра достигала 150–200 тыс. чел. ежегод-

но, что Д. Грин (министр труда) объяснял последствием действий лейбористов.

К 2013 году г. число по прибывшим из-за рубежа работников достигло 4,5 млн чел. Необходимо заметить, что исследователи рынка трудовых ресурсов К. Дагманн, С. Лемос, Дж. Портес и С. Никелл утверждали, что такая цифра не является критичной, поскольку большая часть мигрантов занимают низкооплачиваемые рабочие места, на которые не претендуют местные соискатели, и на заработные платы это не оказывает влияние. Кроме того, высокооплачиваемые профессии за последнее десятилетия стали приносить еще больший доход [Dustmann, Frattini, Preston, 2013]. Однако статистические показатели по занятости свидетельствуют о ее снижении от 0,3 до 0,7 пунктов, что противоречит результатам исследований британских ученых. Каждые 20–23 британца теряли работу с появлением 100 представителей иностранной рабочей силы [Dustmann, Frattini, Preston, 2013]. Кроме того, каждые 14 коренных жителя на сотню мигрантов были вынуждены осуществлять поиск работы в других регионах страны [Akguç, Liu, Tani, Zimmermann, 2016].

В 2008 г., в период экономического кризиса, 27 британцев были вытеснены 100 прибывшими иностранцами, что вынудило консультационный центр по миграционным процессам призвать правительство к решительным мерам по сдерживанию неконтролируемой миграции. К 2015 г. миграционные потоки достигли по разным данным от 336 тыс. до 650 тыс. чел. в год, несмотря на попытку снизить показатели [Bennett, 2019]. Увеличение количества жителей за счет нерезидентов спровоцировало серьезный рост цен на жилье и смежные блага. Стоимость аренды самой маленькой комнаты в четырехкомнатной квартире Лондона для одного человека достигла 800 фунтов стерлингов, когда заработная плата могла составлять только 1 тыс. фунтов. Для граждан ЕС и резидентов Соединенного Королевства государство компенсировало низкие доходы, доплачивая социальные выплаты до прожиточного минимума, однако высокая стоимость аренды и приобретения недвижимости вызывали негодование у британцев.

Стоит заметить, что наплыв новых потребителей также позволил обеспечить рост совокупного спроса на товары и услуги, в то же время негатив со стороны местных жителей акцентировал внимание только на отрицательных моментах. Эти проблемы подорвали доверие жителей страны действующему правительству. Британцам не нравилась не только миграционная политика, но и усиление влияния Брюсселя. Этому же мнению придерживался истеблишмент, который тем не менее проявлял определенную

амбивалентность по отношению к ЕС. Это привело к росту популизма и снижению популярности действующего правительства, особенно в регионах с «левыми» взглядами, такими как Вестминстер. На этом сыграла Партия независимости, широко пропагандировав необходимость гармонизации рынка человеческих ресурсов и выхода из ЕС и положив данную стратегию в основу своей предвыборной кампании, что позволило ей стать третьей по популярности в Великобритании. После выборов в парламент премьер-министр пообещал, что будет проведен референдум по вопросу членства в ЕС, который состоялся в июне 2016 г.

Процессы усилило снижение легитимности и структуры ЕС и его институтов. Эта тенденция наблюдалась во всем Евросоюзе. Ярким свидетельством являются долгосрочное снижение явки на выборы в Европарламент с 63 % в 1980-е гг. до 43,3 % в 2020-е гг., а также провалы части референдумов [Beetham, Lord, 1998]. Социологические опросы последних лет показывали отрицательный настрой жителей стран Евросоюза по отношению к организационному объединению. Из них лишь 39 % полагают, что членство в ЕС положительно сказывается на развитии их государства. 59 % респондентов обозначили неэффективность союза и его дифференцированность по отношению к его членам. Смена поколений на более молодое, не видевшего войну, еще больше усилило негатив к союзу, главной целью которого было недопущение новой войны в Европе. Недостаточный контроль политики Брюсселя также возмущал британцев. Проведение денежно-кредитной, таможенной политики, по их мнению, происходило без надлежащего согласования с членами. Амстердамский и Ниццкий договоры также не содержали вопросы участия жителей-стран Евросоюза в принятии ключевых экономико-политических решений. В Конституции и Лиссабонском договоре наметились тенденции к рассмотрению этого вопроса, однако функции гаранта прав людей так и не были восприняты гражданами – только 28 % из них полагали, что их голос может как-то отстоять интересы страны.

Трансформация рынка труда, недовольство политикой ЕС усугубляли противоречия внутри Великобритании. Жители перестали чувствовать достойную защиту от правительства, усилилась общественная тревожность. Подогревали социальную нестабильность оппозиционные средства массовой информации, усиливая миграционные проблемы и проблемы поиска работы соискателями. При этом идентификация британцев исторически была обособленной, и, учитывая, что даже внутри страны жители ее сегментов причисляют себя к уэльсцам,

шотландцам и англичанам, с европейцами они себя не идентифицируют совсем. Кроме того, исследователи данной проблемы выявили усиление неприятия европейцев вплоть до отвращения [Abrams, Travaglino, 2018]. Кроме этого, добавлялась угроза влияния иммигрантов на образ жизни британцев, их культуру и обычаи, что усиливало эмоциональную турбулентность и недоверие политикам [Abrams, Eller, 2016].

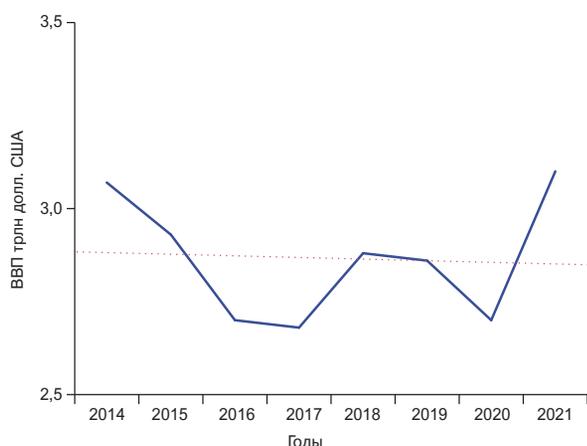
Поддержка выхода из ЕС была более активной в регионах, где британцы ощущали наибольшее воздействие глобализации не только в части потоков мигрантов, которые захватывали рынки факторов производства, но и в поставках дешевых товаров из Китая, вытесняющих местных производителей на рынке благ [Colantone, P. Stanig, 2018]. Кроме того, кампания за выход акцентировала внимание на необходимости вернуть контроль и на возможности перенаправления расходов на членство в ЕС на национальные нужды, в частности, на потребности внутреннего бизнеса, создающего новые рабочие места [Clarke, Goodwin, Whiteley, 2017].

Непрекращающиеся противоречия на рынке человеческих ресурсов, дополненные другими факторами, накопленными за последние десятилетия, приняли необратимый характер. Брексит представлял возможность сократить давление в сложившейся ситуации, и потому большинство отдали свой голос за автономию страны [Clarke, Goodwin, Whiteley, 2017]. Принятие решения о выходе из ЕС было неоднородным. Особенно остро ратовали за брексит на юге Англии, в частности, в графстве Кент, поскольку именно там находился лагерь беженцев и желающих получить убежище. Шотландия, напротив, проголосовала против выхода из Союза и продолжала поддерживать своих избранников в парламент (то есть в этой части страны доверие истеблишменту было на высоком уровне).

Однако 23 июня 2016 г. 51,89 % британцев отдали голоса за выход Великобритании из ЕС. 17 января 2018 г. палата общин приняла, а 20 июня палата лордов утвердила законопроект о брексите. Статус закона документ получил 29 марта 2019 г. после одобрения правительственного законопроекта королевой Елизаветой II [Kumarasingham, 2020]. Перевес голосов был незначительным, и после объявления результатов референдума в Соединенном Королевстве на 41 % увеличилось количество так называемых «расовых» преступлений между резидентами, что говорит о глубоких внутренних противоречиях и расовых предрассудках, в том числе спровоцированных ужесточением конкуренции на рынке труда [Bond, Tejeiro, 2019].

Последствия брексита для экономики и рынка человеческих ресурсов Великобритании / Consequences of Brexit for the United Kingdom economy and human resources market

Чтобы не разрывать экономические отношения с европейскими странами, правительство Великобритании вело переговоры в течение 10 месяцев, и только в декабре 2020 г. торговая сделка, ясно регламентированная, призванная смягчить экономический удар, была утверждена председателем Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен, была согласована и подписана. Несмотря на принятые меры, от разрыва существующих экономико-производственных связей все макроэкономическое пространство страны претерпело турбулентность. Экономические агенты оказались в состоянии неопределенности, что представлялось опасным в части сдерживания экономического роста, который упал с 2015 г. с 2,4 % до 1,5 % в 2018 г., и его падение приостановилось только после пандемии (рис. 1).

Примечание: ВВП – валовой внутренний продукт

Источник¹ / Source¹

Рис. 1. Валовой внутренний продукт Соединенного Королевства в 2015–2021 гг.

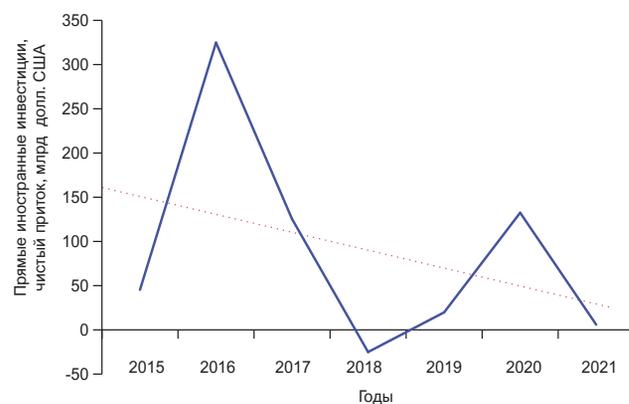
Fig. 1. The United Kingdom gross domestic product in 2015–2021

Открытые данные постковидного периода пока не опубликованы, но, учитывая геополитическую турбулентность, падение внутреннего валового продукта и снижение темпов его роста продолжают сопровождать Великобританию, и данная тенденция продолжится в ближайшие годы. Сразу после референдума британский фунт упал с 1,48 до 1,36 долл. США за фунт. Снижение стоимости фунта в долл. США с некоторой волатильностью продолжилось и в по-

следующие годы [Bashir, Zebende, Yu, Hussain, Ali, Abbas, 2019].

Инфляционные процессы после брексита изменились незначительно. Исключением стал ковидный год, за которым последовало снижение темпов инфляции почти до дефляции. Впоследствии Британия пережила самый страшный инфляционный шок за 40 лет. По официальным данным, инфляция составила 10,5 %, однако цены на продукты питания, по свидетельствам жителей, выросли в 1,2–2 раза.

Многие британские предприятия приняли решение перевести свой бизнес в страны ЕС, локальные британские организации лишились дешевой рабочей силы не только из близлежащих стран, но и стран бывшего советского лагеря, что увеличило производственные затраты. Иностранные инвесторы, длительное время наращивая объем инвестиций в реальный сектор экономики, стали выводить капиталы в страны с более привлекательными институциональными условиями. Так, в 2018 г. в стране даже наблюдался отток чистых инвестиций (рис. 2).

Источник² / Source²

Рис. 2. Прямые иностранные инвестиции Соединенного Королевства в 2015–2021 гг.

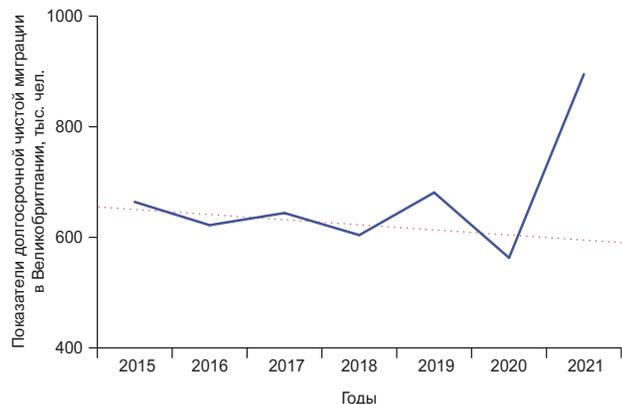
Fig. 2. The United Kingdom foreign direct investment in 2015–2021

Рассмотрим, как отреагировал рынок человеческих ресурсов на брексит. Поскольку усложнились вопросы, связанные с перемещением людей в рамках Еврозоны после выхода из ЕС, миграционные потоки были остановлены. На сегодняшний день пребывание в Британии более 90 дней требует оформления визы, что связано с временными и бюрократическими барьерами. Эти меры способствовали снижению миграции, что являлось одной из декларируемых целей, поставленных правительством, о чем свидетельствует линия тренда. В то же время

¹ The World Bank. Indicators | Data. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.08.2023).

² The World Bank. Indicators | Data. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.08.2023).

уже в 2021 г. наблюдался огромный рост миграционного потока, что демонстрирует график ниже (рис. 3).

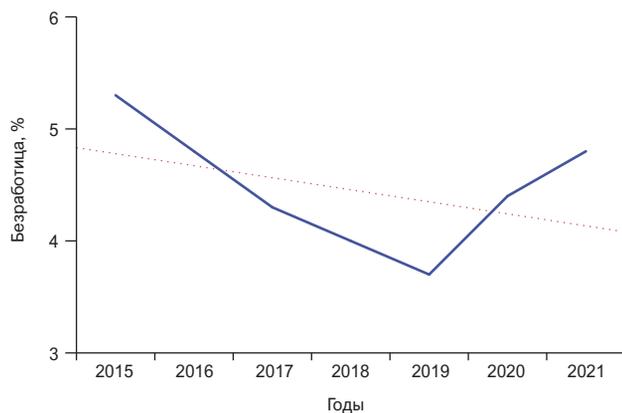

Источник³ / Source³

Рис. 3. Показатели долгосрочной чистой миграции в Соединенном Королевстве

Fig. 3. Indicators of long-term net migration in the United Kingdom

Официальная занятость населения выросла, за исключением года локдаунов, когда многие предприятия сферы услуг вынуждены были сокращать персонал (рис. 4).

Источник⁴ / Source⁴

Рис. 4. Безработица в Соединенном Королевстве в 2015–2021 гг.

Fig. 4. Unemployment in the United Kingdom in 2015–2021

Протекционистская политика ограничила объемы ввозимых товаров, например, в случае легального свободного ввоза в страну особых товаров (без дополнительного налогообложения) человек ограничен 42 л пива, 18 л вина, 4 л крепких спиртных напитков и 200 сигаретами, что является позитивным фактором

для внутреннего производства, значит, создания новых рабочих мест. Динамика занятости демонстрирует стабилизацию на рынке человеческих ресурсов (ковидные годы являются исключением). Таким образом, можно проследить позитивные тенденции в реализации декларируемых правительством целей.

Заключение / Conclusion

Равновесная экономика предполагает баланс спроса и предложения на рынке товаров и услуг, финансовом рынке и рынке ресурсов. Человеческие ресурсы играют самую весомую роль, так как они обеспечивают рациональное управление всеми факторами производства и создают потенциал экономического роста. Перекус на рынке труда провоцирует изменения в экономике и влияет на состояние социально-экономической экосистемы, то есть на устойчивость политической системы.

Включение Соединенного Королевства в Евро-союз способствовало укреплению мира, более тесной интеграции страны в международные рынки, однако поставило под удар собственный рынок человеческих ресурсов. Неравновесное состояние рынка труда привело к политическому решению выхода из ЕС. Динамика макроэкономических индикаторов позволяет утверждать как о взаимосвязи рынка человеческих ресурсов с экономическим развитием, так и о позитивных результатах политической воли правительства и народа Великобритании.

³ Office for National Statistics. Official website. Режим доступа: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения 25.08.2023).

⁴ The World Bank. Indicators | Data. Режим доступа: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.08.2023).

Список литературы

- Ваврош П., Валенчик Р., Рубаль О., Сазанова С.Л. Экономические парадигмы и экономические коммуникации. Управление. 2019;1(7):60–65. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-60-65>
- Abrams D., Eller A. A temporally integrated model of intergroup contact and threat (TIMICAT). In: Vezzali L., Stathi S. (eds.). Intergroup contact theory: Recent developments and future directions. Abingdon, UK: Routledge; 2016. Pp. 72–91.
- Abrams D., Travaglino G.A. Immigration, political trust, and Brexit – Testing an aversion amplification hypothesis. British Journal of Social Psychology. 2018;2(57):310–326. <http://dx.doi.org/10.1111/bjso.12233>
- Akğuç M., Liu X., Tani M., Zimmermann K.M. Risk attitudes and migration. China Economic Review. 2015;3(37):166–176. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chieco.2015.12.004>
- Archick K. *The European Union (EU): Current Challenges and Future Prospects in Brief*. Congressional Research Service; 2015. 15 p.
- Bashir U., Zebende G.F., Yu Y., Hussain M., Ali A., Abbas G. Differential market reactions to pre and post Brexit referendum. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019;515:151–158. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.09.182>
- Beetham D., Lord C. Legitimacy and the European Union. London: Routledge; 1998. 152 p.
- Bennett S. ‘Crisis’ as a discursive strategy in Brexit referendum campaigns. Critical Discourse Studies. 2019;4(16):449–464. <https://doi.org/10.1080/17405904.2019.1591290>
- Bond J.R.P., Tejeiro R. Perceived Threat Had a Greater Impact Than Contact with Immigrants on Brexit Vote. Journal of Social and Political Sciences. 2019;2(2):333–346. <https://doi.org/10.31014/aior.1991.02.02.74>
- Clarke H.D., Goodwin M., Whiteley P. Why Britain Voted for Brexit: An Individual Level Analysis of the 2016 Referendum Vote. Parliamentary Affairs. 2017;3(70):439–464. <https://doi.org/10.1093/pa/gsx005>
- Colantone I., Stanig P. Global Competition and Brexit American Political Science Review. 2018;2(112):201–218. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000685>
- Dustmann C., Frattini T., Preston I.T. The effect of immigration along the distribution of wages. 2013;1(80):145–173.
- Kumarasingham H. *The Role and Powers of the Queen in the 2019 Brexit Political Crises – Reflections from British and Commonwealth History*. 2020;1(48):1–14. <https://doi.org/10.1080/03086534.2020.1718372>
- Loyen A., Hidde P., Ploeg V., Bauman A., Brug J., Lakerveld J. European Sitting Championship: Prevalence and Correlates of Self-Reported Sitting Time in the 28 European Union Member States. 2016;3(11):e0149320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0149320>
- Mazur-Wierzbicka E. Circular economy: advancement of European Union countries. Environ Sci Eur. 2021;33:111. <https://doi.org/10.1186/s12302-021-00549-0>
- Mothana S., Korček M. Investigation of Driving Forces of Energy Consumption in European Union 28 Countries. International Journal of Energy Economics and Policy. 2015;2(5):422–432.
- Wasson E. *A History of Modern Britain: 1714 to the Present*. 2nd ed. Wiley-Blackwell; 2015. 464 p.

References

- Abrams D., Eller A. A temporally integrated model of intergroup contact and threat (TIMICAT). In: Vezzali L., Stathi S. (eds.). Intergroup contact theory: Recent developments and future directions. Abingdon, UK: Routledge; 2016. Pp. 72–91.
- Abrams D., Travaglino G.A. Immigration, political trust, and Brexit – Testing an aversion amplification hypothesis. British Journal of Social Psychology. 2018;2(57):310–326. <http://dx.doi.org/10.1111/bjso.12233>
- Akğuç M., Liu X., Tani M., Zimmermann K.M. Risk attitudes and migration. China Economic Review. 2015;3(37):166–176. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chieco.2015.12.004>
- Archick K. *The European Union (EU): Current Challenges and Future Prospects in Brief*. Congressional Research Service; 2015. 15 p.
- Bashir U., Zebende G.F., Yu Y., Hussain M., Ali A., Abbas G. Differential market reactions to pre and post Brexit referendum. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2019;515:151–158. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.09.182>
- Beetham D., Lord C. Legitimacy and the European Union. London: Routledge; 1998. 152 p.
- Bennett S. ‘Crisis’ as a discursive strategy in Brexit referendum campaigns. Critical Discourse Studies. 2019;4(16):449–464. <https://doi.org/10.1080/17405904.2019.1591290>
- Bond J.R.P., Tejeiro R. Perceived Threat Had a Greater Impact Than Contact with Immigrants on Brexit Vote. Journal of Social and Political Sciences. 2019;2(2):333–346. <https://doi.org/10.31014/aior.1991.02.02.74>
- Clarke H.D., Goodwin M., Whiteley P. Why Britain Voted for Brexit: An Individual Level Analysis of the 2016 Referendum Vote. Parliamentary Affairs. 2017;3(70):439–464. <https://doi.org/10.1093/pa/gsx005>
- Colantone I., Stanig P. Global Competition and Brexit American Political Science Review. 2018;2(112):201–218. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000685>
- Dustmann C., Frattini T., Preston I.T. The effect of immigration along the distribution of wages. 2013;1(80):145–173.
- Kumarasingham H. *The Role and Powers of the Queen in the 2019 Brexit Political Crises – Reflections from British and Commonwealth History*. 2020;1(48):1–14. <https://doi.org/10.1080/03086534.2020.1718372>
- Loyen A., Hidde P., Ploeg V., Bauman A., Brug J., Lakerveld J. European Sitting Championship: Prevalence and Correlates of Self-Reported Sitting Time in the 28 European Union Member States. 2016;3(11):e0149320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0149320>
- Mazur-Wierzbicka E. Circular economy: advancement of European Union countries. Environ Sci Eur. 2021;33:111. <https://doi.org/10.1186/s12302-021-00549-0>
- Mothana S., Korček M. Investigation of Driving Forces of Energy Consumption in European Union 28 Countries. International Journal of Energy Economics and Policy. 2015;2(5):422–432.
- Wasson E. *A History of Modern Britain: 1714 to the Present*. 2nd ed. Wiley-Blackwell; 2015. 464 p.